

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

* * *

Пока нам не роют окопов с траншеями,
Пока среди ночи не газует под окнами воронок,
Ты можешь спокойно бросаться на шею мне.
Всё ОК.

Пока я не кинусь назад в атаке
(Мы, новобранцы, такая шушера),
А ты не пристрелишь меня, как собаку,
Пойдём, в кафе покушаем.

И ты не парься, радуйся солнечным временам.
Пусть беды идут лесом, полем и лугом.
Пока не последнюю корку делим, а пиво напололам,
Не тревожь врага, пусть побудет другом.

* * *

А у нас не падают самолёты.
Я живу в обычной, как все, глуши.
Я спешу по утрам на свою работу,
как у нас любой по утрам спешит.

А потом читаю, япона мама,
что погибла сотня живых людей:
самолёт взлетел и на взлёте прямо
превратился в сотню людских смертей.

И ни слова. Кроме /хрипато/: боже.
Потому что горе — немая тьма.
И я падаю, падаю, падаю тоже
и сто раз предсмертное слышу «ма...»

И вот так же я до конца, до края,
сколько выйдет финишной той прямой,
буду жить, беспомощно повторяя:
ерунда, с кем угодно, но не со мной...

* * *

Ну не будь вообще, что тебе стоит, просто не будь вообще.
Для чего ты, зачем ты есть только наполовину?
Я же выживу, если ты понимаешь ужас таких вещей —
начиная с тяжёлой сумки из ближайшего магазина.

Начиная с тяжёлой сумки и завершая под Новый год
нарочитым весельем и глазами — такими сухими, что, кажется, треснут.
А тебя вот настолько кто-то где-то не ждёт?
Только честно.

А тебе вот настолько хочется — ночь, не ночь —
провалиться в сон и вынырнуть прошлым летом?
Чтобы лето было с прежнюю жизнь длиной...
Не об этом надо бы, господи, не об этом...

